

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Вторник, 7 ноября 1989 г. № 133 (6701)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 коп.

Революцией в революции называем мы перестройку. Пожалуй, мы никогда не были столь близки к истокам нашей революционной мысли, к неискаженной сути ленинских идей, к творческому содержанию марксизма. В этом партия видит необходимое условие движения вперед...

Перестройка означает утверждение подлинного социалистического народовластия. Преодолевается авторитарное наследие прошлого, идет процесс широкого приобщения трудящихся масс к управлению государственными и общественными делами, укрепляются гарантии прав и свобод личности, строится правовое государство.

Основываясь на собственных социалистических ценностях, советская политическая система открыта и для всего лучшего из мирового демократического опыта...

Социалистическую демократию, ее идеалы и принципы, многообразие ее форм нужно уметь решительно отстаивать и защищать. Отстаивать отточенность теоретической мысли и знанием жизни, силой собственного примера...

У нас есть все основания для оптимизма. Общество избавилось от апатии, пришло в движение. Пробудилась душа народа, в которой селились воедино любовь к Отчизне, мудрость и мужество, совесть и честь. В этом — залог бессмертия дела Октября. Залог победы перестройки.

Из доклада В. А. Крюкова «ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ОБНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА». 4 ноября 1989 г.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Вячеслав Кондратьев: «...Я уверен, жизнь — благо, данное нам не один раз, и если ты проиграл ее частично, не поступив совместно, не совершив зла людям, впринципе им хотя бы многое добро, то называть ее бессмыслицей проходит, зрячий нельзя».

О путах демократизации, о складе Компартии Литвы и глубинение процессов перестройки размышляет первый секретарь Шяуляйского горкома партии М. Стакиевич.

3 страница

РЕВОЛЮЦИИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

О судьбах конкретных людей и целого поколения, о революции и отраженной в ней жизни народа ведут спор писатель Юрий Слепухин и публицист, философ Георгий Кунцын. Этому спору положили начало фильм «Наш бронепоезд» и статья о нем, опубликованная на страницах СКи 20 июня нынешнего года. Но сегодня полемика шире, чем разговор об одном только фильме.

Что пережили все мы за годы после Октября 1917-го, какова мера ответственности каждого человека и всего народа за более чем семидесятилетний путь, пройденный страной? Это лишь часть вопросов, поднятых авторами, ведущими яростный и яркий диспут о самом сокровенном: человеке и революции.

4—5 страницы

Уникальные музыкальные инструменты удалось спасти чекистам на заре Советской власти. Подробности об этой операции — в очерке «Гайдук для скрипки Стаднича».

5 страница

Сказать — берите власть! — мало

В. СВЕШНИКОВ,
председатель исполнкома Советского
районного Совета народных депутатов

Много уже сказано о том, что власть Советов должна быть реально подкреплена материальными средствами. Сказать — берите власть! — мало. Пока же у меня, у работников исполнкома сердце от боли скимается оттого, что мы не можем помочь пенсионеру, пришедшему с законной просьбой о ремонте крыши. И он уходит в районный партийный комитет, который нам просто прикажет, не интересуясь, где мы изымем эти деньги.

Но такое положение не устраивает ни нас, ни людей. В последнее время, я это хорошо чувствую, в их настроениях произошло изменение: они должны знать, что реально руководят. Они хотят знать конкретного человека, к которому можно обратиться по тому или иному вопросу и быть уверенным, что вопрос решится без от无穷аивания и другим начальнику. Переход партии к политическим методам работы происходит в непростых условиях. Не все разобрались, на что простирается власть района, а на что — районного исполнкома. Хотя, конечно, и нам исполнком не хватает. А проян ее — дело единства.

Партия культуры в отдале приносил нам многое до 60 тысяч убытков. И вот исполнкомы групп жителей создали совет поэтов, мы зарегистрировали его как нормальное объединение. Совет организует и проводит субботники вместе с Молодежным центром, парни зарабатывают теперь деньги (в почему мы должны стыдиться этого?), пожар работникам сортируют, аттестуют.

— А по вечерам ходим на встречи с жителями. Мы заранее их не планируем — то во дворах разговоров ведем, то в кинотеатре, то в парке. Появились инициативные группы избирателей — вместе с ними разрабатываются предвыборные программы. Цель — дальнейшее совершенствование принципов народовластия. Думаю, в результате предстоящих выборов удастся сформировать и нормальный Совет.

Борис Егоров.

Не ради красного словца

А. СТРЕЛЬЦОВ,
директор драмтеатра им. Н. Охлопкова,
депутат городского Совета народных
депутатов

Как часто на собраниях, на разных митингах слышишь фразу: «Мы все за Советскую власть!» А против кого? Увы, высохшее понятие, призванное утверждать мировоззрение, на практике обращается в расхожую фразу, за которой ни убежденности, ни ответственности.

Особенно заметно это в сфере культуры, которая в деятельности Советов как заняла, так и изменила свое место в списке дел и забот. Да, на культуру выделяются материальные средства. Но будет ли даже от них толик, если по-прежнему курят нас люди, прочно сажаем, малокомпетентные? Мы нередко слышим от них, как не надо делать. А хоть раз кто-то сказал, как надо?

Хочу верить, что на предстоящих выборах в местные Советы придут люди, которые будут решать проблемы, а не главе управляемой территории утвердятся те, кто понимает, что, скажем, театр, музей или филармония — это не личное дело директоров, актеров, режиссеров, а дело города и его власти — его Совета. Вот это будет достижением! Не курирование, не указывающее «руководство», взаимодействие. Тогда можно будет формировать культурную политику города, тем, собственно, должен заниматься Совет. Только в такой обстановке можно надеяться на культурный рост людей.

А еще я мечтаю... о госзаказе. Да, о госзаказе на спектакль, который бы исходил от городского Совета. Сегодня решиться на по-настоящему серьезную работу, которой, возможно, почнали и не гарантирован успех, театр трудно. Мешают среди хозяйственников в условиях хозрасчета уже не находится, да их и раньше-то почти не было. Вот и мог бы Совет финансировать постановку.

Понятно, для этого нужна реальная, всенародная власть — полная и безоговорочная. И тогда слово приобретет свой первородный смысл.

Ирина Ашхабад.

Вернуться к смыслу первородному

С. БАБАЕВ,
зам. председателя исполнкома Ленинского
районного Совета народных
депутатов

Не замечаете ли вы, что многие слова и даже целые понятия из нашего сегодняшнего лексикона, увы, утратили, во всяком случае в нашем повседневном привычном восприятии, свое первородное значение? Не стану заниматься подробным этимологическим комментарием, чтобы подтвердить свою мысль. Ограничусь констатацией лишь одним, весьма печальным, на мой взгляд, метаморфозом, которую претерпела в нашем обыденном сознании такая слова, как «сельсовет», «горсовет», «райсовет»... Согласитесь, когда мы их произносим или слышим, в нашем воображении предстает прежде всего здание с соответствующими набивками, с соответствующими сотрудниками...

Удивляет Сергей Иванович Охегов: «Совет, если верить его знаменитому слову... — это... указание (!), как поступить. Вполне в духе требований административно-командной системы: совет — указание. Еще более странно (странные, конечно, из нашей сегодняшней точки зрения — еще вчера это было «изоление») выглядят толкования Совета как органа государственной власти, осуществляющего диктату рабочего класса и являющегося формой политической организации социалистического общества. Представляете? Совет — и диктатура!»

А стоит ли удивляться тому, что в некоторых изданиях прямо-таки на душе не переносят соседство слова «народ» со словом «советский», забыв, видимо, о том, что в своем первородном значении понятие «держать совет» сродни исконно русскому — «вече»...

Да, пора вернуть дороги для нас слова из первородного смысла. Пора вспомнить, какой ценою, во имя чего и за что проливали кровь люди, создавшие Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов: за власть Советскую, власть народную. Пора вернуть Советам власть. И тогда слово приобретет свой первородный смысл.

Ирина Ашхабад.

Мандат ответственности

К. МАРКОВ,
заведующий городским отделом культуры,
депутат городского Совета народных
депутатов

Когда ругают Советскую власть, я знаю: это ругают и меня. Депутатское удостоверение в такие минуты кажется мне чем-то вроде просроченного венчала. Многое из того, что избиратели ожидают от депутата, ему сделать не удается. И не оттого, что он ленин, неинициативен, непрофессионален. Нет, просто, являясь носителем власти, народный избранник реальной власти не имеет.

У каждого из сотен депутатов возможность «власть употребить» узурпирована аппаратом — рай-, гор., облисполкомов.

Родить бумагу — вот основной стиль работы «старой» Советской власти. Кто и как будет выполнять принимаемые решения — дело десятое. Полтора года назад «единенная сессия городского и трех районных Советов Магнитогорска» наметила создание промышленного кружка «Магнитостроя». Но результатов этого создания не видно и понять даже не знаю, что работает в составе постоянной депутатской комиссии по культуре.

Беспомощность местной Советской власти лучше всего однозначно отражает страдки «под псевдонимом». Картина галерея строится под видом книжного магазина, краеведческий музей под маской промтоварного. Несколько лет металлурги комбината строили некий блок обслуживания, намереваясь разместить в нем кукольный театр «Буратино»...

Но, как мы странно, есть депутаты, которых такое положение устраивает. Отсутствие власти есть и отсутствие ответственности.

Выход один — на предстоящих выборах лишить таких депутатов мандатов. А новая власть должна расплатиться необходимыми финансами и распоряжаться ими на своей территории по собственному усмотрению. Вот тогда и будет: власть — Советам...

Магнитогорск.

Советская власть — власть народная

Е. ГАЕР,
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии ДВО АН ССР,
народный депутат СССР

Наше государство рождалось как Советское государство, и, естественно, власть в нем должна быть Советской. В какой-то момент мы об этом забыли, и власть у Советов потихонечку уходила и уходила. У нас в регионах, например, были власти ведомства и министерства, а местные Советы вообще потеряли свою власть. А как они ее потеряли? Для того чтобы быть властью, надо, наверное, иметь материальную базу, иметь средства, чтобы решать различные проблемы и вопросы. Если Советская власть — власть народная, она должна решать все проблемы в интересах народа. И во времена.

Мы сейчас как-то забываем, что в первые послереволюционные годы Советская власть и представляла интересы народа, и много для него сделала. Но это забычили, и думают, не оттого, что мы умели ее пренебречь. Если Советская власть — от этого очень много было в последующие годы исчезнувших. Я думаю, что выборы в местные Советы, Верховные Советы республик станут важнейшим этапом в жизни нашей страны. Кто будет у власти в местных Советах, какими полномочиями мы наделим этих людей и эти Советы — от этого очень сильно зависит, удастся ли нам решить задачи, которые стоят перед страной. И долговременные, в самом ближайшем времени — скажем, следующего года.

Экономика у нас сегодня, пожалуй, самая болезнь точка. Мы утвердили план и бюджет на 1990 год, он далеко не идеальный, но на сегодняшний момент все же выгодно отличается от всех предыдущих. Однако мы знаем, что многие годы министерства, предприятия выполняли планы любой ценой и почти всегда в ущерб социальным нуждам народа. Власть же Советам нужна и для того, чтобы экономика повернулась лицом к человеку.

Владивосток.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

с о присуждении Государственных
премий СССР 1989 года в области

литературы, искусства и архитектуры

и

архитектуры

и

искусства

и

На долю поколения наших отцов выпало много бед и тягот. Даже самые удачные судьбы людей из этого поколения были трагичны. Нам досталось все же меньше. А литература о наших нынешних днях еще впереди... — об этом размышляет писатель в беседе с нашим корреспондентом.

— Вячеслав Леонидович, вы принадлежите к поколению людей, вся жизнь которых прошла под знаменем Октября. Чувствуете ли вы и ваши сверстники свою вину за все ужасные ошибки, которые привнесли с собой сталинцы или первые застос? Сожалеете ли, как некоторые, о «разбитых идеалах»?

— Такие мысли могут появляться да и появляются. Была, дескать, светлая эпоха, всю жизнь отказывали себе во всем, стремясь к ней, испытывали голод и нужду, воевали и выигрывали тяжелейшую из войн, а вот оказалось, что вроде и цель не та, да и не приближались к ней ни на йоту, построили что-то, да кроме не то, что хотели... Выходит, что зря все немовыевые траты, непосильный труд, военные подвиги, в общем, запрашивали

зация, которая проходила на монгольских глазах, оставила в детской еще душегубческие чувства, творимые механизмами несправедливости, но и аресты, расстрелы со служившими и товарищами отца в 37—38-х годах внесли еще большее смущение в мою душу. Я уже не смог безоговорочно верить газетам и пропаганде... Тем не менее в армии — я в ней находился с 39-го года — армии, несомненно, нравственности здоровой, исполненной колективизаций, террора 30-х годов как-то начали сглаживаться и забывать, тем более, что в армии как-то реалистично ощущалась приближенность войны. И уже после ее начала, понимая ненадежность того, что воевать мне придется, в для того, чтобы воевать хорошо (а я жаждал воевать хорошо), я понял, что необходимо

Вячеслав Кондратьев:

«Нет, жизнь прожита не зря»

шила вся жизнь. Но я уверен — это не так, потому что сама жизнь — благо, данное нам на один раз, и если ты прожил ее честно, не поступившись совестью, не совершив зла людям, впринес им хотя бы немного добра, то называть ее бессмыслицей прожитой, зрячной нелзя. К тому же, помните, у Тютчева: «Блажен, кто постиг сей мир и его минуты роковые!». Конечно, может не мог и предположить, что «минуты роковые» унесут миллионы жизней, что эти «минуты» могут стать не только просто «роковыми», но и апокалиптическими, что поднявшаяся буря будет унесена не только жизнью, и культуру, нравственность религии да и многие другие основы нормальной человеческой жизни...

Но что случилось — то случилось. Прошлое не переняло, его можно только переваривать в учебниках истории на короткое время, потому что равно или подлиннее становятся иными. Не учли этого вошли и главный «вождь и учитель», полагавшие, что обман продлится на века. Нам же, чудом оставшимися живыми во всех передрягах века, не сетовать нужно о прожитой будто бы застра жизни, а радоваться, что выжили и... дожили до сегодняшних дней.

— Но среди нашего поколения были же и люди, привычные к «злодействам века». Ни что, тоже радоваться?

— Во все времена существовали убийства и пытки, но никакой режим не может заставить человека стать ими. Если у него есть какие-то нравственные принципы, и кто пошел в пытку — тот виноват сам и пусть пытает на себя. Вы скажете, что люди в органы, вернувшись в них необходимость и даже в почетность службы там. Разумеется, если и такие, не представляющие, куда идут и что там творится, но, узнавши, можно было уйти под какими-то предлогами. И честные люди уходили, и знали таких. Не уходили те, для кого карьера была превыше всего, в моральных стерни не оказалось. Вот они-то и, верно, могут считать свою жизнь пропитой плохо и злоречием, но, по-моему, не считают пока никакой из этих людей: человек очень и очень гордил на самооправдание и самопрощение...

— Вы прошли, как и все из вашего поколения, нелегкий путь, вы воспитаны и не вступали в партию...

— Меня в юности, как и многих моих сверстников, мучил вопрос о смысле жизни, а потому я много читал книг по философии, в том числе и русских философов, о которых мы только сейчас начали говорить. У моего деда по отцу были приличная библиотека, а мой дядя, человек верующий, собирали книги этих философов. В то время еще можно было у библиотекаря приобрести их. Попалась мне и книга П. Новгородцева «Об общественном идеале», где приблизительно третья книга занимала критику марксизма. Помню, одна большая глава там и называлась «Крушение утопий земного рая». Источник, книга была издана в семидесятом году, когда революция уже свершилась и «всемирный коммунизм» вот-вот должен был наступить. Совершенное, идеальное устройство общества невозможно без совершенного человека — вот главная мысль этой книги.

Эта книга еще тогда посыпалась во мне какие-то сомнения. Коллективи-

зация, которая проходила на монгольских глазах, оставила в детской еще душегубческие чувства, творимые механизмами несправедливости, но и аресты, расстрелы со служившими и товарищами отца в 37—38-х годах внесли еще большее смущение в мою душу. Я уже не смог безоговорочно верить газетам и пропаганде... Тем не менее в армии — я в ней находился с 39-го года — армии, несомненно, нравственности здоровой, исполненной колективизаций, террора 30-х годов как-то начали сглаживаться и забывать, тем более, что в армии как-то реалистично ощущалась приближенность войны. И уже после ее начала, понимая ненадежность того, что воевать мне придется, в для того, чтобы воевать хорошо (а я жаждал воевать хорошо), я понял, что необходимо

Вячеслав Кондратьев:

— Да, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

— Увы, уже поздно... И тому же я привык ощущать себя независимым, а членство в партии смысла и Уставом, и партийной дисциплиной. Уже доживу так... беспартийным. Но я думаю, что сегодня каждый здравомыслящий гражданин, которому не безразлична судьба страны, должен поддерживать партию во всех ее начинаниях, что, естественно, не должно лишать его возможности быть несогласным какими-то деталями и отдельными действиями партии. Цель — создание правового государства — великая цель. Между прочим, тот же П. Новгородцев писал, что именно право-правовое государство должно прийти в Россию на смену монархии.

— Так, может быть, вам сейчас и следует вступить в партию?

НЕ МОГУ не высказать мнения о некоторых соображениях по поводу вашей статьи «Трагедия народа: вина или беда» («СК», 20.6.89), которую читала с большим интересом. Ваш талант публициста и твердость гражданской позиции в оценки последней нашумевшей публикации в «Литературной России» два года назад еще большой скандал пронесся к автору после встречи в стенах нашего ленинградского Дома писателей прошлой весны. Сейчас, однако, мне хочется с вами послорвать.

Я думаю о тех, кто прочитал последнюю вашу статью, зная о недавнем прошлом своей страны лишь понапрасну. Молодому читателю, который сегодня пытается заглянуть в черные дни последних 70 лет отечественной истории, трудно сделать это в условиях напрочь бушующего вокруг нас плорализма суждений. Еще труднее, разобраться с прошлым, извлечь из него прозрачный урок на будущее. А ведь именно это сегодня для нас цель номер один.

В свете этой главной для советского общества задачи ваша статья может оказать ему дурную услугу, а нес ее больше путаницы и в без того узко зачаточной системе наших нравственных координат.

Мне хочется поговорить не о герое фильма «Наш бронепоезд», а о герое вашей статьи-рецензии: не о том, каким задумывал сценарист своего героя, как его поняли и трактовали режиссер и исполнитель роли, а о том,

УВАЖАЕМЫЙ Юрий Григорьевич Пономарев был и усыплен вами заверением, будто вы в основном и главном мой единомышленник. Это оказалось наивностью с моей стороны; стелите мясо, да и все спасибо.

Чувствуется неотступное ваше стремление направить оппонента своего, словно мамонта, в яму, скрытую ветками.

Моя статья «Трагедия народа: вина или беда?» написана на материале фильма «Наш бронепоезд». Е. Григорьев и М. Пантуха. Вы заставили, будто я сконструировал иную, чем в фильме, логику образа этого главного героя. Принимаете мне умысел: «толкнуть, бросить всей силой» читателя стихию бескрайневини. Заблудившийся, как вы пишете, «в трех снасах» наша гласность молодой читатель любо может вернуться к «бесовинам» (и большевизму, по-вашему). Столь высокая оценка моей статьи самого же вас ввергает в страх.

Мишины мы выбрали в первую очередь мой суждения о Николае Кузнецова. Личность эта крайне трагическая. Открытие создателей фильма. Вы же прилагаете самый максимум усилий, чтобы, посредством дикретизации доблестного фронтовика Кузнецова скомпрометировать ни много ни мало — поколение победителей в Великой Отечественной!

Вы даете крайне оскобительные характеристики людям и событиям, вытекающие из вашей убежденности в том, будто Октябрь 1917 года — результат произвола большевиков и следо пошедшего за ними народа.

Ясно, удар наносится при этом и по сталинизму. Но что под феноменом сталинизма вам покидают? Разве Кузнецова — сталин? Мог ли он тогда уже мыслить с позиций нашей современности? Сознательно ли он совершил в день смерти Сталина то, что объективно предстало преступлением впоследствии? Не пора ли все-таки научиться (в конце-то-то) отличать сталинистов от сталинских идолопоклонников? Ведь это далеко не одно и то же. Вы же исходите из того, что идолопоклонники — тоже сталинисты. Знайте, и — преступники? Должны совести (прежде всего совести): отделять преступников (занавис, на что идут) от людей обманутой веры. Выбор по вере — это выбор по чести.

Когда же имеем дело действительно со сталинизмом, то, скажем, Шеховцов и И. Андреева остаются ими и сегодня. Зная о преступлениях «отца народов», они не осуждают его, а оправдывают! Сообщники его — тоже.

А Кузнецова? Услышав неожиданно брошенное ему обвинение в сталинизме, он же начинает расследование: был ли он действительно повинен. Начинает убежденный, что — нет. Прида же и выводу, что он, отдав приказ открыть огонь по восставшим в безоружных, но среди них, оказывается, и по безвинным, — совершил преступление, он осудил не только Сталина, но и себя. Приворонил себя к смерти. Многие ли, уединившись в такой же своей роли в годы культа, поверили себе именно так? Из сталинистов — никто. Никто! Вы же, гуманистарий, поднимаете руку на этого единственного, кто своей собственной жизнью расплатился за невольно содеянное им.

Вот что говорит в «Советской культуре» исполнитель главной роли в фильме Владимир Гостюхин:

как понимают и трактуют этот образ вы, к неким выводам хотят подвести своего читателя. И не просто подвести — толкнуть, бросить всей силой национального публицистического таланта.

Извините, я иду о некоем представителе нашего с вами юбко-компромиссного поколения, героически прошедшим войну, апорядочном до предела, отличающимся смиренностью и т. п. Внезапно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вина на обвинителей. И перед нами разворачивается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисуется публицистами, пытающимися кинуть отрицательные массовой веры в Стalinу в народ...

Изображение вина и беды» — это ясно выясняется, что в 1953 году этот достойный во всех отношениях товарищ командуя охраной одного из сварных плаварей, отдал приказ стрелять по забунтовавшейся толпе заключенных. Неожиданно — спустя много лет — изображение взрывается счастливой доске жизни семьи Кузнецовых, но вот тут-то, пишите вы, каскад вдруг начинает раскручиваться в необычайном направлении: бывший фронт

стать таким же несокрушимым, до предела порядочным, корифеем в любом деле.

Утверждается наконец на чем-то определенном, не уходящем из-под ног, — пусть даже это опять будет сплетня кузнецовых — серьезный соблазн для многих. И очень серьезной опасности для общества. Гораздо более реальная, чем может показаться на первый взгляд.

Не следует обольщаться нынешней либерализацией нашего общественного сознания, возвращением в обход тех слов, как «доброе», «честность», «западное», «стремление». Для большинства из нас это пока, увы, не более, чем слова. К тому же модные — почему же не щеголять лишний раз? Не знаю, как скоро — после семидесятного воспитания в фанатичной нерелигии и любому виду духовного и интеллигентского индивидуализма — как скоро мы действительно, не думая, а не в словах, обособимся от генетически унаследованной тяги к стадному счастью, расторвения отдельного в общем? «Напомни приказом мозг мой и ветром исплю пот», — верноподданно молясь когда-то Луговской, — взмыль меня, переделай и вечно види вперед!; так ведь и сегодня, покида спустя, многие втайне готовы бы этого же. Чтобы без собственных мыслей, без собственного голоса, послушно шагать и шагать куда-то в строю переданных им единой ладе макутов. Недаром даже в нашей литературной повиновке то и дело раздаются не сколько искренне звучание не об общем фоне призыва к возделанной акинсонации.

СЕГОДНЯ, как никогда, велика ответственность публициста за каждую мысль, высказанную перед огромной и, как никогда, восприимчивой аудиторией. Не так давно с высокой трибуны доверительно сообщили, что в вес. 1985 года страна была на грани кризиса; признание это следовало, видимо, point в том утишительном смысле, что кризис началась переворота устранил угрозу. На самом же деле, думай, за последние четыре года положение только обострилось. Гласность — действует.

ВИДЕЛИ ВАЛИКОВ («сожалению, единственное пока») заметное завоевание патройской.

Трудно предвидеть возможное развитие событий. Столкнувшись с неизвестными колебаниями настроений общества. Нарастающее чувство беспыходности может бросить час как влево, так и вправо. Излюбленная козырная карта тоталитаристов любого толка — это обещание «власти порядка»: именно на этом, вспомни, сыграл в свое время Гитлер. Следует только помнить и другое: ни Веймарская республика в 1932 году, ни Российская империя в 1916-м не испытывали ничего подобного тому постместию кризисному состоянию общества, в каком мы перешли порог восьмого десятилетия строительства своего социализма.

Вот почему именно сегодня так опасна любая попытка нравственно реабилитировать страшный человеческий тип — горожане тирана, ставшее не только ее жертвой, но и ее главным орудием. Без кузнецовых не было бы стадионами, при появления достоверного их числа они могут повториться.

Вот почему мысль статья, как мне представляется, даже безизвестна по своей сущности, обо безизвестных применяемых вами критериях оценки личности героя. Набор положительных качеств, который в ваших глазах делает Кузнецова «порядочным» по пределам, вполне приложим к любому эсэсовцу из какого-нибудь будь там «Фюрер Лейбштандарта». Все то же самое: фронтовики с безупречным послуженным списком, имеют боевые награды, нерассуждающие преданы воинству, партии и ее доктрине, беспощадны к врагам, вличной жизни им едином патриоту. Помимо очень ценного в рядах СС — комендант Освенцима Хесс тоже был, как известно, «патриотичным семьянином».

Кощунственная параллель, скажите вы. Да, вероятно, она для многих может прозвучать кощунством. Но попробуйте приглушить эмоции, призванные быть теплыми, спустя полвека: две тоталитарные системы во многом были схожи, и им судьбою было схватить на пытку во второй мировой войне!

Семой трагический аспект этой войны

состоял в том, что нашему народу пришлося тогда, защищая свое национальное существование, защищать и свое рабство; освобождая другие народы от вражеской военной оккупации, обрекать их на политическую наблюдку.

Трудно даже сказать, какая система была лучше. Опираясь на собственные наблюдения (я пробыв в Германии с осени 1943 года по март 1945) и на изучение внутренней политики Третьего рейха, проделанные в процессе работы над романом «Сладостно и почетно», могу утверждать со всей ответственностью, что наименее тираническая Гитлеровская империя в 1932 году, ни в ее главных орудиях без кузнецовых не было бы стадионами, при появления достоверного их числа они могут повториться.

Двойственный впечатление произвело ваша статья. Часть ее написана честным, умным антисталинистом, аrade — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьявольщины — истинной бесовщины, шигалевщины в чистом виде — было озабочено именно то время, незыблемые сороковые, тридцатые, двадцатые, когда был практик кузнецовых и их старшие братья, перешедшие младшим железную хватку, беззаветную преданность делу аспеплической ломки. Освежите память, перечитайте хотя бы публикацию Сергея Дениченко в одном из недавних «Огоньков» — свидетельства переживших голода на Украине в 1932—1933 годах. Хотя, возможно, у вас и для уполномоченного, озмышленного у головного ребенка последнюю картофелину, тоже найдется

разгадка дьяволь

В СТРЕЧА с Марией Пенккой была назначена в ее доме. Она — известная голландская писательница русского происхождения. Было еще одно обстоятельство, вызвавшее у меня интерес и живущее желание познакомиться с ней, но мне было известно, что об этом она говорит неохотно. Дом ее в Амстердаме на тихой и зеленой улочке, где живут писатели, художники, актеры, известные и преславшие.

— Однажды, — рассказывала она, — поручили мне взять интервью у боксера. Я отказывалась, плачала, говорила, что в боксе ничего не помню... Но мне сказали: надо знать только несколько «боксерских» слов, и тогда все пойдет, как по маслу. Как раз приехал в Берлин один боксер. Музат, рост более двух метров. Казалось, что у него не тридцать два, а шестьдесят четыре зуба! Я чувствовала себя, как лилипут перед Гулливером. Сказала ему: «Как мне приятно с вами познакомиться! Я считаю, что вы самый большой боксер света». Его так обрадовали мои слова! Он заказал мне шоколад... И после этого меня всегда посыпали во дворец, куда приезжали боксеры.

— Первое интервью и сразу успевавшее.

— Нет. Сначала меня посыпали посмотреть выступление одной танцовщицы и дать рецензию. Я написала, что балерина танцевала, как старая ворона с надломанными крыльями... Рецензию напечатали. Но редактор сказал, что так писать о людях возмутительно, посоветовал попробовать меня в спортивной журналистике. Так я стала специалистом по боксу.

Комната, где мы беседуем, напоминает музей: старый рояль, картины, горна, залопоненная статуэтка, вазы из прошлого века. Сама хозяйка, аккуратно причесанная, нарядно одетая, с жемчугом в ушах и на шее, — будто миниатора прошлого века. На лице выражение отрешенности и сородичности на чем-то своем, внутреннем...

— Скажите, фотографии на рояле — это ваши дети?

— Я вам покажу моих детей.

В соседней комнате стеллажи. На одной из полок явили книгу, на корешках которых ее имя — Пенкка.

— Как много у вас книг!

— Всемидастия! Китайцы говорят: нужно либо родить сына, либо написать книгу. У меня восемнадцать детей — восемнадцать книг. И шестьсот коротких рассказов. Шотландия. О чём мой книги? На Западе многие люди интересуются философией Востока, особенно философией Индии. Эти люди не верят в то, что, когда мы умираем, наша душа исчезает, а от человека остаются лишь прах и воспоминания любивших его. Они верят в ренессансацию, верят, что душа ушедшего возрождается в новом человеке или в цветке, или в дереве...

— А вы во что верите?

— Я верю в бога.

— Вы христианка?

— Да. Но до начала средних веков и христиане верили в ренессансацию. Потом эту веру отвергли. Для своей книги я брала случаи, о которых слышала и читала в газетах, когда люди свидетельствовали о странных

воспоминаниях, их посещавших, воспоминаниях о том, чего с ними не было... Эта книга имела очень большой успех, она называется «Ренессанс и преизвестие». Я думала, в переводе: «досуществование».

— Она издана в Голландии?

— В Голландии, в очень хорошем издательстве. Моя книга находится под ведомством международного литературного бюро. А первая книга вышла, по-моему, в сорок седьмом году.

— В сорок седьмом. Значит, за сорок лет вы написали восемнадцать книг.

— Да. Но одна книга я писала гораздо легче, другие гораздо труд-

были ехать в Гаагу... Но вернемся... Я стала репортером, спортивным журналистом. Много ездила. Муж был очень доволен тем, что я писала. Когда вышла моя книга «Параллаксическая история Дальнего Востока», меня избрали в английское Королевское общество географов. Это было давно, в 70-х годах. Мой муж тоже был членом этого общества...

— А чем он занимался?

— Он был известный мире картограф, сделал много атласов в Голландии, в Англии, в Америке...

— Он был голландец?

— Нет, югослав. Я не поддавалася эмоциям, но сейчас испытываю печаль.

Основатель династии Никита Демидов, сын тульского кузнеца, еще при Петре I организовал строительство оружейных заводов на Неве и металлических заводов на Урале. Близкое с Петром I было зачинщиком горного дела и горной промышленности в России. Сыновья и внуки Никиты Демидова занимались и просветительской деятельностью. Так, наследник его старшего сына Павла Николаевича была учреждена премия, присуждаемая Петербургской академии наук за труды по науке, технике, искусству. В то время премия эта в России считалась одной из наиболее почетных и престижных.

— Мария Георгиевна, в какое вы помолвлены Демидовыми?

— Наверное, восьмое... Но я не люблю, когда об этом пишут, и говорю об этом не люблю...

— Почему?

— Я совершенно особое существо. Все это связано с печальными воспоминаниями. Жизнь так быстротечна... Не успеешь завершить задуманное. Да, я живу вне времени... Но время течет... Убывает мои пребывания здесь... Не хочу вспоминать. Я была совсем маленькой, когда меня увезли за границу. Воспитывалась я во Франции и в Швейцарии. Осталась без родителей, но у меня был опекун. Он дал мне прекрасное воспитание. А биография моя простая.

— В чем вы находите смысл жизни?

— Я считаю: не нужно никогда себя обманывать, то есть нельзя гнаться за иллюзиями, нельзя принимать иллюзии за реальность. Это, по-моему, самое главное в жизни.

— И когда вы пришли к этому выводу?

— Я всегда так думала, — торжественно сказала Мария Георгиевна. Еще в юности. Рациональные люди отнюдь не лишены эмоций, но их эмоции гораздо глубже и имеют гораздо более сильное влияние на человеческий характер, на их жизнь. В жизни самого главное знать то, что гораздо важнее, чем думать, будто он знает, что он желает.

— А вы всегда твердо знаете, чего вы хотите?

— О, да. Я точно знаю, чего я не хочу. Это очень облегчает жизнь. Люди думают, что они сами себя выдвигают. Это неправильно, потому что обстоятельства делают людей, а не наоборот... Моя книга «Караван в Тегеран» об этом, она тоже имела успех.

— Политическая?

— Не знаю, политическая или нет. Никакое все политическое...

— Вы мне говорили, что политики не интересуются. Но, видно, все же следите за тем, что делается вокруг. Вы слышали о том, что происходит сейчас у нас в стране?

— Совершенно нормальное развитие.

— Значит, вы считаете, что появление Михаила Сергеевича Горбачева — это естественный фактор?

— Совершенно естественное явление. Горбачеву, помните, как сказали Пушкин, «суждено в Европу прорубить окно». И он это теперь делает. Но, кроме того, он старается предупредить то, что могло бы случиться, если бы это не было. Мы видели, что происходит в Польше в данный мо-

мент. А что происходит в Бангладеш. Оказалось, как в природе бывает весна, лето, осень и зима, также же изменения происходят и в политической жизни.

— И, как, по-вашему, какое сейчас политическое время года в России?

— Я все думал: любопытно, что вы своим героям избрали Михаэлла. — Михаэлла для меня современник. Нужно несколько раз перечитывать его «Государя», чтобы понять все иконы, все движения утонченной мысли.

— Тот принцип, по которому вы живете, четко знаю, чеком чем вы издали, и думаю, сформировался у вас именно под влиянием Михаэлла.

— Возможно.

— Как вы отноитесь к своим книгам?

— Я не могу сказать, что совершенно довольна тем, что оставила. Когда появляется моя очередная книга, мне кажется, что для этого ничего не делала. Теперь как раз такой момент. О чём?

— Трудно объяснить. В Европе это известное явление. В России нет. Люди иногда чувствуют, будто наложили сила вне их владеет ими. И эта сила есть алое. Бывает, что у человека, кто он был очень болен, меняется характер.

— Кем вы себя считаете по национальности?

— Я думаю, что душа у меня русская, хотя человек я абсолютно западный.

— Мария Георгиевна, у вас никогда не возникало желания посетить свою родину?

— — У меня никого там нет... Вы должны понять, что человек совершенно западный, аполитический человек... Я видела столько стран и пересекла только! Может быть, я и хотела бы видеть Россию... Но я создала себе мир и боялась его разрушить... Да, я не желаю разрушать мир, который я создала своим воображением...

Беседа наша затянулась. И чай дольши я находилась в доме Марии Пенккой, где нет телевизора, не говоря уж о видео, и ощущала себя вне времени. Время будто остановилось. И я спросила:

— И ради вы не включаете?

— Я слушаю известия...

Мы прощаемся. Мария Пенкка, потомок Демидовых, провожает меня. И вдруг неожиданно и увидела в глазах ее слезы.

— Я очень хотела бы написать вам посткarto, прореторт современной женщины, — говорит мне Мария Георгиевна.

— Портрет человека, который разревонялся вас, попытался разрушить мир, в котором вы так счастливо живете?

Через несколько дней в советское посольство на мое имя пришли две книги Марии Пенккой. Я позвонила ей, чтобы поблагодарить и еще раз попрощаться. Она радостно ответила на мой звонок и глухим голосом, как будто голосом из прошлого четко сказала:

— Не забудьте, я человек совершенно западный...

— Но с русской душой...

Кира ВЛАДИНА.

Фото автора.

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

воспоминаниях, их посещавших, воспоминаниях о том, чего с ними не было... Эта книга имела очень большой успех, она называется «Ренессанс и преизвестие». Я думала, в переводе: «досуществование».

— Она издана в Голландии?

— В Голландии, в очень хорошем издательстве. Моя книга находится под ведомством международного литературного бюро. А первая книга вышла, по-моему, в сорок седьмом году.

— В сорок седьмом. Значит, за сорок лет вы написали восемнадцать книг.

— Да. Но одна книга я писала гораздо легче, другие гораздо труд-

ЖЕНЩИНА ВНЕ ВРЕМЕНИ

нее... Больше всего люблю писать о дальневосточных событиях, в такие сухие справочники. Людям нужна информация, поэтому такие издания на Западе быстро распределяются.

— Я вижу, у вас много картин. Это подлинники?

— У меня только подлинники.

— А это, видимо, современный художник. Какому художнику посыпалось попасть в вашу коллекцию?

Лицо моей собеседницы оживляется.

— Это моя работы... У меня одни вещи старинные, другие нет. Это Делакруа... А это голландская художница Сузу Робертсон. Статуэтки? Это «для доши», в переводе «белая из Китая». Белый фарфор. Это совершенство особое, ветвь фарфорового производства. И эти вещи делались буддистскими алтарями.

— Наверное, не случайно у вас есть каталоги по фарфору. Вы любите искусство, фарфор... живопись — чисто интеллигентные художники?

— Я могу сказать, что ими властвует любовь к искусству, фарфору... Читают ли вы книги?

— А сколько языков вы знаете?

— В совершенстве владею русским, французским, английским, немецким и голландским.

— А восточные?

— Я не могу сказать, что ими властвует любовь к искусству, фарфору... Читают ли вы книги?

— А чай тоже из прошлого века?

— Нет. «Элгейт» — знаменитый английский чай.

Мы входим в комнату, где сервантом стоит стол. Чашки старинные, семнадцатого века. И снова картины. Холст ловит мой взгляд и оперекает вопрос:

— Портрет принцессы Генриетты, дочери короля Карла I, которого обезглавили во время кромвелевской революции. Она была женой брата Людовика XIV. А эта фигура из фарфора сделана по картине Греза, французской работы. А вот Парис Нер — говорит хозяйка, — фарфор, который делался в Париже.

— А я же говорю, что люблю античный, — люблю, царственность, величие...

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

— У меня есть настольная книга?

— Трудно сказать, какая книга?

— А сколько языков вы знаете?

СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

Случалось так, что в макуки Октябрьских праздников я оказывался в Бюснесе. Долгие часы вместе с советскими коллегами мы обсуждали, за каким углом стоят наше первое и самое большое дело. И все-таки находилось время посетить в новой Третьяковке на Крымском валу.

— Из-за рени дул влажный ветер, было еще рано, дождь только открывал двери. Оказалось, что интересовавшая меня выставка художников

20—30-х годов умерла — «У нас тоже Мухина!» — сказала мне кассирша. Ее голос не было ни потни, определенно, ни сомнения, мне показалось даже, что она произнесла эти слова с затяжной гордостью. «У нас тоже Мухина», очевидно, значило, что художники сама Мухина сам может дать достаточно полное представление об искусстве своего времени.

И шел по залам, залы и

рамы, созданные талантливейшими мастерами. Они тоже смотрели на меня, эти яично живые солнечные крестьянки, большевики, сироты, подростки, ветра, она, революция, ее люди, и счастья. Я читал о бедах и горючих, которые выпали на долю Веры Мухиной в годы сталинщины. Несмотря ни на что, она сохранила себя, сохранила веру — это ли не подвиг? Не даром ее звали Верой Сагодиной. Вера Мухиной было бы стыдно...

Произведения Анны Ахматовой, например, были впервые переведены у нас знаменитой

группой и приверженности к первой социалистической стране, и, следовательно, это было очень рискованно. Реакция буржуазной администрации не заставила себя ждать: Морфова «заплатили» за свою московские гастроли увольнением из оперного театра...

Христа Яснова — нежный лирический поэт, погибший за свои коммунистические убеждения очень молодым в кровавых застенках охранки, перед смертью написал стихотворение «Петроград», где воссплавил Октябрьскую ре-

ВОЗРАСТ МОЛОДОСТИ

ПОСЛЕ неизумного увлечения всевозможными юбилеями, торжествами и чувствованием, которые оставили свой след в минувшие годы, в наше дни появился обратный синдром — болезнь торжественности, стеснительности, отказ от высоких слов, которых порой необходимо говорить кому-то о чем-то. А мы боимся: как бы опять без нужды не грануть в фанфары? Но во все случаи 1989 год богат яркими датами, которые касаются известных, замечательных людей, и поэтому народившийся синдром бледнеет перед непрекращающимися блеском их имен.

Поразительная юношеская столетия юбилеев — не явленские старения или средневековые аскеты, не наше долгожителей, наш возраст мы часто приписываем болгарскому поклону молоху, в тех, других, которых умел с нами, но которых никогда от нас не уходили. К цифре 100 у нас какое-то начальническое благоговение, наше предел человеческих возможностей, нечто невообразимое и даже мистическое. Столетний человек у нас да и всегда пользуется уважением хотя бы за то, что достоинство почтенного возраста, но и этому прививается и нечто большее.

Среди знаменитых юбиляров 1989 года лишь

два видят «жизнь» — Эйфелеву башню и Чарли Чаплина. Созданный французским инженером Эйфеля — врата бы неодушевленное кружево из холода металла, только «холодное кружево» гас красноречиво воплощает стремление человеческого духа, что мы имеем право чествовать эту башню наравне с ее великими рожениками. Чаплин можно сказать тоже самое, поскольку все его творчество сдвигается на стремления его духа.

Когда в первый раз попал в Париж лет двадцать пять назад, то прежде всего отправился в Эйфелеву башню. Старинный лифт возвез меня на площадку, откуда можно было уви-

деть все: изгибы Сены, площади, холмы и здания, известные еще с детских лет по учебникам — история, как на ладони.

Случай посадил Чарли Чаплина представившего чуть позже в том же городе — славная встреча с одним старым джентльменом в темно-синем костюме со знаком Почетного легиона в петлице. Он задумчиво ступал среди гостей, обнимаясь отдельными рукопожатиями с теми, кто с ним заговоривал. Держал в руке бокал шампанского, звенящий, как колокольчик, при встрече с собеседниками. Таков он был.

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения Артиста. Четыре дня спустя — какое соглашение! — была еще одна дата — столетие одной прошлой известной личности — Адольфа Гитлера. Дромы приобретают от этого соединения. Фюрер и артист судьбы были суждены встретиться через пятьдесят лет. Это произошло в фильме «Большой диктатор», где Чарли изобразил с бесподобным сарказмом и горькой кроной своего мемориального ровесника. Думало, что этот фильм пророчески показал наш двадцатый век с его разрывами и сознанием, фарсом и трагедией, алчностью и надеждой?

Кто сказал, что столетние принадлежат прошлому?

Чаплин — читал это в советской прессе — был на концерте Александра Вертиńskiego. Больше ничего не знаю — разговаривали ли они, кривились ли ему песни, плодировали ли он певец? Предполагаю, что да, иначе зачем бы он тряслись своим драгоценным временем? И когда Вертинский поет: «Я усталый старый клон», — неизменно представляю не его, а Чарли в «Огнях рампы». И даже если такая встреча двух клуунов состоялась только в нашем воображении, разве этого мало?

Вспомнил Вертинского, как понимаешь, не

случайно. И он столетний юбилей в 1989 году.

Как Кокко.
Как Витгенштейн.
Как Мазерель. И многие иные.

Как великие русские дамы в этой когорт-

и Ахматова и Мухина. Мне, болгарину, хочется сказать, что эти имена оставили и своей «блгарской следы».

Произведения Анны Ахматовой, например,

были впервые переведены у нас знаменитой

группой и приверженности к первой социалистической стране, и, следовательно, это было очень рискованно. Реакция буржуазной администрации не заставила себя ждать: Морфова «заплатили» за свою московские гастроли увольнением из оперного театра...

Христа Яснова — нежный лирический поэт, погибший за свои коммунистические убеждения очень молодым в кровавых застенках охранки, перед смертью написал стихотворение «Петроград», где воссплавил Октябрьскую ре-

● Тихий вечер в Плоешти.

Фото Н. Самойлова.

НА ПРОВОДЕ — МЕХИКО

ДИАЛОГ
СО ЗВЕЗДАМИ

ВО ВРЕМЯ встреч и бесед с мексиканским художником Сутором (настоящее имя Энрике Суньига Кордеро) я часто задавал себе вопрос о том, куда можно отнести его искусство: «Что это — думал я — Реализм? Фантазия? Странная манера самовыражения? Или же попытка глубже познать нас самих, заглянув в далекое от нас будущее?»

Твердого мнения на этот счет у меня не сложилось до сих пор. Осталось, пожалуй, лишь восхищение и удивление способностью художника выражать, казалось бы, невозможное, рассказывать, с одной стороны, о повседневном, с другой — о немыслимом, о вечном.

Художественный язык Сутора, пожалуй, не имеет аналогов. Его искусство реалистично. Но это особый реализм, реалист на грани фантастии и правды, поскольку главным объектом художества художника является огромный, бесконечный, прекрасный и загадочный мир космоса, туманностей и звезд.

Когда-то давние, Сутор однажды обратил свой взор на небо и поразился красоте его. В бесконечном звездном пространстве он увидел, как зарывается и умирает свет, и эта удивительная по своей выразительности картина захвачила его. Художник попытался передать увиденное красками и кистью. Так начался его «диалог со звездами».

Энрике Суньига Кордеро родился 18 июня 1938 года в городе Пуэbla в семье художников.

Свою учебу Суньига начал в родном городе, в продолжении Тулузака, куда переехала его семья. В 16 лет Энрике перебрался в столицу и поступил в академию Сан-Карлос, из стен которой вышли многие известные мексиканские художники.

Он много и продуктивно работает, ищет новые художественные приемы, которые бы помогли ему не просто скопировать звездное небо, но передать его динамику, раскрыть тайну возникновения света, такого разного, зловещего и пугающего своей величественностью силы, своим бессмертием, своим изначальностью и бесконечностью.

В возрасте 19 лет Сутор делает вывод о том, что канчилася простота изображения избранного им предмета ошибочна, что для того, чтобы показать прелесть космоса, чтобы улечь зрителя, недостаточно иметь только высокую технику письма, нужно еще очень глубоко знать значение, которое на протяжении долгих лет наложило люди о жизни Вселенной. Для того чтобы приобрести ее, Энрике вступает в мексиканско-австро-немецкое общество, много читает, посещает обсерватории друзей в Чичен-Ица, Сочинкалько и Малинкалько, сам подолгу изучает небо с помощью телескопа.

— В то время, — говорит Сутор, — я понял главное: мой труд, несмотря на необычность избранного предмета творчества, в общем-то ничем не отличается от работы других художников. Если, скажем, один из них решил написать портрет национального героя Мексики Эмилиано Салады, ему обязательно нужно знать, не просто каким он был, но и в какую эпоху жил, что сделал, какой имел характер, как одевался и массы других деталей, которые, трансформируясь в сознании художника, направят его кисть по единственно правильному пути, позволяющему создать настоящие произведения искусства. Так же и мне для того, чтобы написать комету Галлея, нужно знать о ней максимальное количество данных. Но так же, как и человеческое тело, звезда неизвестно просто антоморфна, передавать ее до мельчайших подробностей. В процессе творчества включается воображение художника, который благодаря ему проинтурирует за пределы виденного, обогащает его, дает собственную трактовку, совершая таким образом открытие нового, доселе неизведанного мира или отдельного элемента.

— В чем же заключается успех ваших картин? Чем они привлекают зрителей? — с таким вопросом я обращаюсь к художнику.

Он задумывается, покуривает свои рыхлые усы, отрывает автоматически кисть, тональные волосы, проводит растопыренной ладонью по своей блеска выбранной голове и наконец роняет первую фразу:

— Ты знаешь, это, очевидно, связано с тем, что я, показывая этот мир звезд, стараюсь сделать все возможное для того, чтобы зрителя почувствовать необходимость познать доселе неизведанное, чтобы он вместе со мной посетил те места, которые доступны лишь мечте и воображению человека...

За окном зачехлев. На небе появляются первые тусклые звездочки. Из глубин мерцающий свет точно маятником притягивает взгляд художника. Он долго смотрит на них и затем добавляет:

— Я не знаю, что было бы со мной, с моим творчеством, если бы не было звезд... Свет из моих первых и последних картин любил, любил...

Он задумывается, покуривает свои рыхлые усы, отрывает автоматически кисть, тональные волосы, проводит растопыренной ладонью по своей блеска выбранной голове и наконец роняет первую фразу:

— Ты знаешь, это, очевидно, связано с тем, что я, показывая этот мир звезд, стараюсь сделать все возможное для того, чтобы зрителя почувствовать необходимость познать доселе неизведанное, чтобы он вместе со мной посетил те места, которые доступны лишь мечте и воображению человека...

За окном зачехлев. На небе появляются первые тусклые звездочки. Из глубин мерцающий свет точно маятником притягивает взгляд художника. Он долго смотрит на них и затем добавляет:

— Я не знаю, что было бы со мной, с моим творчеством, если бы не было звезд... Свет из моих первых и последних картин любил, любил...

Он задумывается, покуривает свои рыхлые усы, отрывает автоматически кисть, тональные волосы, проводит растопыренной ладонью по своей блеска выбранной голове и наконец роняет первую фразу:

— Ты знаешь, это, очевидно, связано с тем, что я, показывая этот мир звезд, стараюсь сделать все возможное для того, чтобы зрителя почувствовать необходимость познать доселе неизведанное, чтобы он вместе со мной посетил те места, которые доступны лишь мечте и воображению человека...

...Энрике Суньига Кордеро — Сутор — талантливый, постоянно ищущий художник, оригинальное искусство которого высоко оценено французским премией Давид Алфредо Синкейром. О его работах весьма лестно отзывался писатель и кинорежиссер Александр ЛЕСКИНЕН.

На счету Сутора около 70 персональных выставок. Его работы можно встретить не только в музеях Мексики, но и в Вашингтоне, Праге. Удивительные космические пейзажи, в которых стоящими становятся настоящие и будущие, свет и тьма, жизнь и смерть, вечное движение, бесконечность...

«Писать небо!» Я думала, что это невозможно! — воскликнула, увидев картины Сутора, писательница Эмма Годой. Но именно она стала источником вдохновения для Сутора. И он смог показать необыкновенную красоту его, браво!

Этими словами, пожалуй, можно было бы закончить рассказ о художнике, который продолжает диалог со звездами — его первой и последней любовью. Можно было бы, если бы одна деталь — когда народ Армении постигло великое горе, Сутор, этот влюбленный в небо романтик, решил поднять свою картину в фонде, пострадавшим от землетрясения. Он назвал ее «Небо плачет».

— Мир станет лучше, если мы будем гуманными и человеческими относительно друг к другу, если научимся понимать друг друга, ценить и уважать людскую жизнь... такие слова сказал Юрий МИХАЛЬЧЕНКО.

(Соб. корр. АПН — СПЕКЦИАЛЬНО для «Советской культуры»).

«С самого раннего детства меня учили тому, что негры — это национальные существа. В нашем доме традиции и приборы, черные и белые, отсутствовали. И дети национальности запрещались до них дотрагиваться. Если же это случалось, то нас наказывали, гоняли, гнали руки. Наша семья не была исключением, так воспитывались все белые дети».

Этот рассказ фермера, потомок бургов, никак не связанных с арабами, Транзаки, начался с того, что из прошлого ЮАР — вотчина моего отца — я узнал о том, что ЮАР — может стать ключом к пониманию психологии правящего белого меньшинства, с молоном именем «беспечного старика» и «империи».

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что вспыхнули в 1976 году, — это неизменный факт, который я помню с детства. «Они не лишили нас детей, ни женщин», — предупредил ЮАР-и-Клерк с умасом избирательной комиссии членов ЮАР. «Это заставило нас стать под управлением черного большинства!»

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что вспыхнули в 1976 году, — это неизменный факт, который я помню с детства. «Они не лишили нас детей, ни женщин», — предупредил ЮАР-и-Клерк с умасом избирательной комиссии членов ЮАР. «Это заставило нас стать под управлением черного большинства!»

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что вспыхнули в 1976 году, — это неизменный факт, который я помню с детства. «Они не лишили нас детей, ни женщин», — предупредил ЮАР-и-Клерк с умасом избирательной комиссии членов ЮАР. «Это заставило нас стать под управлением черного большинства!»

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что вспыхнули в 1976 году, — это неизменный факт, который я помню с детства. «Они не лишили нас детей, ни женщин», — предупредил ЮАР-и-Клерк с умасом избирательной комиссии членов ЮАР. «Это заставило нас стать под управлением черного большинства!»

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что вспыхнули в 1976 году, — это неизменный факт, который я помню с детства. «Они не лишили нас детей, ни женщин», — предупредил ЮАР-и-Клерк с умасом избирательной комиссии членов ЮАР. «Это заставило нас стать под управлением черного большинства!»

Десяти лет препрессий и уничижений, пыток и избиений, что в

ТЕЛЕТАЙПНАЯ «СК»

ПЕРЕДАНО ИЗ КОРПУНКА

ГОРКОМ МЕНЯЕТ ВЫВЕСКУ

В кабинетах Пермского горкома партии вскоре разместятся музейные экспозиции. И появятся они здесь не временно, а насыщены так решительно, что решено сменить городского Совета народных депутатов, передав здание под филиал краеведческого музея.

Пример, когда партийные органы города передавали бы принадлежащие им здания для укрепления материальной базы культуры, давно не единственный. В бывшем учесном

корпусе ВПШ ныне музыкальное училище, в помещении партархива расположился музей, который в свою очередь охватывает здание мечети и передает его мусульманской общине. Дом политического просвещения недавно стал частью комплекса Дома пионеров. А в общежитии обоима партии теперь хранят музейные экспозиции.

В. ФОМИН.
(Наш соб. корр.)
ПЕРМЬ.

ФОТОФАКТ

ВСТАЛ ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ

Четырехметровые фигуры пяти воинов-интернационалистов, как изваяния скульптуры, верности долгу боевого братства, застыли в бронзе памятника, открытого в центральной части Днепропетровска, на берегу Днепра.

На тыльной стороне монумента — стела с 216 фамилиями местных ребят, погибших на афганской земле. Их именами названы пионерские дружинки, школьные отряды, улицы, скверы.

Памятник построен на средства, заработанные комсомольцами на субботниках и воскресниках, первичными общественными организациями. Минутой молчания, ружейным салютом почтили днепропетровцев память отважных земляков.

Авторы памятника — скульптор Ю. Павлов и архитектор В. Шульга.

Фото А. КРАСНОЖОНА.
(ТАСС).

ВЫСТАВКИ

ПАЛИТРА В БОРЬБЕ ЗА МИР

Выставка работ современного японского художника Митко Хара открылась в Приморском краевом картинной галерее. Она прибыла во Владивосток в обмен на экспозицию «Гусский портрет XVIII—начала XX веков», с которойзнакомится сейчас жители японского города Отару.

Митко Хара — художник детской книги. На выставленных в галерее работах представлены его иллюстрации к более чем 100 изда-

ниям скандинавских издательств.

А между тем Митко Хара — человек склонной судьбы, интересовавшийся искусством с детства. В 17 лет он стал сиделкой атомного завода в Хироксме, потерял старшего брата и многих друзей. Он и сейчас живет в этом городе и всеми доступными ему средствами, включая и искусство, борется за мир.

М. НИКОЛА.
ВЛАДИВОСТОК.

ДЕБЮТ

На сцене театра «Пинтелье» впервые передала концертом выступила детский ансамбль «Пинтелье» [«Точечки»]. Он создан при Киевском обществе еврейской культуры. Руководителями ансамбля Л. и Г. Шапиро сумели за короткий срок создать настоящий творческий коллектив, в котором около ста ребят в возрасте от 5 до 15 лет. Ансамбль исполняет еврейские народные песни.

А. МОНАСТЫРСКИЙ.
КИЕВ.

ОПЕРЕЖАЯ СОБЫТИЕ

ВОРОНЕЖ БУНИНА

Стодвадцатипятилетие со дня рождения И. Бунина нам ждать еще шесть лет. Но воронежцы к этому юбилею начали готовиться уже сегодня.

Завершается реставрация дома, в котором родился Иван Алексеевич. Решено, что к 1995 году в городе будет создан литературный музей его имени. Областному ведомству с кодативом в Совет Министров РСФСР о сооружении в Воронеже памятника И. Бунину. Имя писателя будет присвоено одной из центральных улиц города.

З. ЕФРЕМОВ.
(Наш соб. корр.).

ПАМЯТЬ

ПОЭТУ-МОРЯКУ

На дне Балтийского флота лежат останки моряков, которые носят имена героев гражданской и Великой Отечественной войн, прославленных флотоводцев. И вот впервые боевому кораблю — базовому тральщику присвоено имя поэта: «Алексей Лебедев».

В эти дни тральщики передают флоту и будут нести вахты на просторах Балтики, где в 1941 году погибла подводная лодка

В. КОНДРИЯНЕНКО,
капитан-лейтенант.
ЛЕНИНГРАД.

ТЕЛЕТАЙПНАЯ «СК»

Кто ты, «фото-красавица» страны?

Всероссийский конкурс «Мисс Фото СССР-89».

Он был объявлен год тому назад. Его организаторами стали пятьдесят «Московские красавицы», объединенные «АвтоПромСпорт», Союз физкультурников СССР, Московская организация Союза журналистов, Фотоконкурс ТАСС... Конкурс привлечет внимание фотографов из различных стран. Достаточно сказать, что уже на первый тур было прислано более тысячи фотографий девушек, которые претендовали на звание «Мисс Фото СССР».

Отличие этого конкурса от аналогичных конкурсов заключается в том, что, во-первых, все участники, приводимые на второй тур, привлекаются к работе фотомакетизации в рекламные агентства, журналы под, то есть газеты.

— А во-вторых, конкурс этот имеет характер благотворительный, — рассказывает один из организаторов конкурса, — в нем будет одновременно, параллельно, проходить выставка автомобилей марки «Форд», автомобилей марки «Лада», автомобилей марки «Москвич». Конкурс будет организован в помощь детям, чьи родители погибли в авариях на дорогах, — это называется «Мисс Фото СССР-89».

Ю. ПЕТРОВА.

Награда

Альфреду Шнитке

Известному советскому композитору Альфреду Шнитке присуждена стипендия, учрежденная организацией «Бисенсшафтсколлегия». Музыкант получил приглашение пройти академический год в творческой мастерской в Западном Берлине.

Такой своеобразной наградой отличаются те, кто добился выдающихся результатов в различных областях науки, в литературе, в изобразительном искусстве.

— Для меня большая честь стать стипендиатом «Бисенсшафтсколлегия», — говорит Альфред Шнитке. — Это еще и прекрасная возможность пополнить в жизнь свои творческие планы. Приглашение было для меня неожиданным, и это же самое выступление и концерты, запланированные рамки, в которых я буду выступать в Западном Берлине.

— Для меня большая честь стать стипендиатом «Бисенсшафтсколлегия», — говорит Альфред Шнитке. — Это еще и прекрасная возможность пополнить в жизнь свои творческие планы. Приглашение было для меня неожиданным, и это же самое выступление и концерты, запланированные рамки, в которых я буду выступать в Западном Берлине.

А накануне Альфред Гарриванчик возвращался из поездки в Швейцарию и Австрию. В Стокгольме с большим успехом прошел международный фестиваль, где заслушали его музыку.

(ТАСС).

Немало бесценнейших созданий великих мастеров прошло — Стравинский, Амати, Гварнери — хранили ныне Государственные коллекции уникальных музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В. Луничарский и Ф. Э. Дзержинский. Понимая в архивах, изучение которых помогло нам восстановить малоизвестные страницы этой истории.

В тот холодный осенний вечер в Стадионе Амати, Гварнери — хранилище музыкальных инструментов. Но вряд ли сложилась она, если бы на землю Советской власти не привезли операцию, у истоков которой стояли А. В